

Политические элиты: история изучения в XX в.

Аннотация. Статья посвящена ключевым проблемам изучения политических элит западными исследователями в XX в. Указываются основные направления изучения элит в современных социогуманитарных дисциплинах. Теории элит рассматриваются под углом зрения исторического подхода – в развитии во времени и в соотношении с конкретно-историческими условиями их формирования. Отмечается, что классические теории элит, сформулированные в конце XIX – начале XX в., предложили альтернативное, по сравнению с марксизмом, видение исторического процесса. Наиболее существенные различия касались природы правящего класса, перспектив классовой борьбы и построения эгалитарного общества. На протяжении XX в. шло интенсивное изучение политических элит, однако оно не привело к разработке единой общепринятой теории, объясняющей функционирование современных обществ. Исследователи приходили к полярным выводам, тесно связанным с разными методологическими установками и приоритетами в отборе фактического материала. Главные усилия были направлены на решение вопроса о соотношении элит и демократии. Доминировала тенденция отмежевания от классических теорий элит, в результате чего была утрачена методологическая цельность, появился сонм дефиниций и интерпретаций. В то же время западными авторами были предложены многочисленные инструменты идентификации и анализа политических элит, в принципиальном плане применимые к любому обществу. Использование имеющихся наработок учеными разных направлений может способствовать расширению междисциплинарных исследований.

Ключевые слова: элитаризм, марксизм, направления изучения элит, правящий класс, политическая элита, демократический процесс, С. Нейдел, Э. Гидденс, методология, междисциплинарные исследования.

Review: The article presents the key problems featured in the study of political elites by Western scholars during the 20th century. The author indicates the various directions in the study of elites in contemporary disciplines of socio-humanities. The elite theories are reviewed from the point of view of the historical approach – through their development in time and in correlation with the specific historical circumstances of their formation. The author notes that the classic elite theories, formulated at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries, proposed an alternative approach to the historical process in contrast with the Marxist one. The most significant differences in these approaches concerned the nature of the ruling class, the outlook of the class conflict, and the creation of an egalitarian society. During the 20th century there was an intensive study of political elites, however it did not lead to the elaboration of a single generally-accepted theory explaining the functioning of contemporary societies. Scholars came to opposing conclusions, closely tied with the different methodological directives and priorities in their selection of factual material. The main effort was aimed at addressing the issue of the relationship between elites and democracy. The tendency to dissociate from the classic elite theories dominated, due to which the methodological entirety was lost and an array of definitions and interpretations appeared. At the same time, Western authors offered numerous instruments for identifying and analysing political elites, in principle applicable to any society. The use of the existing groundwork by scholars of diverse approaches can facilitate the broadening of interdisciplinary studies.

Key words: elitism, Marxism, directions of elites research, ruling class, political elite, democratic process, S. Nadel, A. Giddens, methodology, interdisciplinary studies.

Понятие политической элиты сегодня широко используется представителями разных социогуманитарных дисциплин – политологии, истории, социологии, философии и других. Проблема элиты рассматривается как важный аспект проблемы субъекта исторического процесса: считается, что масса более пассивна, разные сегменты играют разную роль в общественном развитии,

в принятии общезначимых решений. Политическая элита трактуется как непосредственный субъект политики в отличие от классов и других выделяемых социологами больших социальных групп и определяется на уровне нескольких процентов населения, реально способных, по мнению психологов, осуществлять масштабную руководящую работу в обществе. Вместе с тем категория политической элиты является одной

из дискуссионных: вопрос о правомерности и перспективах ее применения длительное время являлся предметом обсуждения, продолжаясь и до сих пор. Безусловно, в рамках статьи невозможно упомянуть всех писавших об элитах западных авторов, однако труды тех, о которых пойдет речь, позволяют отметить ряд наиболее важных моментов в изучении вопроса.

В истории политической мысли XX в. можно выделить несколько ракурсов, в которых так или иначе рассматривались идеи об элитах. Во-первых, это проблема «элитности» в нормативно-ценностном аспекте, включающая осмысление феномена «подлинной элиты», понятий лучшего, избранного. Во-вторых, это проблема формирования и жизнедеятельности различных элитных (наиболее результативных в своей области) групп вне прямой связи с постановкой и решением нормативных вопросов. В-третьих, можно вести речь о выделении и специальном изучении исторически определенной элитной общности (например, «большевистской элиты») на протяжении периода ее возникновения, расцвета и упадка. В-четвертых, с помощью понятия элиты изучается проблема распределения власти в обществе, включая понимание системы политики и ее связи с системой социального неравенства. Последний из отмеченных ракурсов прямо связан с постановкой вопроса о «правлящем классе» или «правлящей элите», определяя те аспекты изучения общественных феноменов, которые более всего интересовали классиков элитаризма. Именно такой ракурс определил основное направление теоретического осмысления элит и их практического анализа, в его рамках были разработаны наиболее известные современные концепции элит, методология их изучения, проведены многочисленные исследования на основе эмпирического материала. Политические элиты рассматриваются в первую очередь как инструмент изучения политической системы (режима) под определенным углом зрения: выявляются характер деления на правящих и управляемых, связь этого деления со стратификационной системой, принципы формирования и комплектования властных структур, специфика взаимодействия субъектов политики и пр. Историки обращают особое внимание на качественные характеристики, вопросы генезиса и эволюции правящих элит.

Классические теории элит, как известно, были развиты в конце XIX – начале XX вв. итальянскими учеными Г. Моской и В. Парето, а

также немецким исследователем Р. Михельсом. Следует учесть особенности исторической эпохи, в которую были написаны основные работы теоретиков элитаризма. Это была эпоха глубоких социально-политических перемен, прямо влиявших на осмысление учеными разных направлений закономерностей развития общества. С одной стороны, шло вытеснение аристократии, очевидна была смена правящего класса в развитых странах. Буржуазный строй далеко не всеми воспринимался позитивно, классики элитаризма считали его «плутодемократическим», подчеркивали, что внешние демократические формы маскируют ведущие позиции нового правящего класса. С другой стороны, в конце XIX – начале XX в. шел активный подъем движений низших классов, они приобщались к общественной жизни через расширение избирательного права, формирование массовых партий и других организаций, акции поддержки и протеста. На этом фоне циркулировали различные идеи о переустройстве общества, набирал популярность марксизм, предлагавший простую и оптимистичную схему, согласно которой угнетенное большинство могло подняться к вершинам политической власти и трансформировать общество на новых, более справедливых началах. Появившиеся позднее марксизма концепции элит вступили в спор с теоретиками социализма. Именно на Маркса неоднократно ссылались элитаристы, стремясь опровергнуть или, наоборот, подтвердить те или иные марксистские положения; в трудах основоположников элитаризма были сформулированы тезисы, предлагавшие свое, отличное от марксистского видение истории.

Будучи «вариациями на общую тему», концепции класса и в марксизме, и в элитаризме были связаны с определением политического господства, однако его природа интерпретировалась по-разному. «Господствующий класс» Маркса, образно говоря, опирался на экономику, владение средствами производства, политическая власть его была следствием и одновременно условием осуществления экономической. В отличие от марксизма «правлящий класс» в теориях элит конструировался как постоянный, неизбежный, необходимый для общества при всех условиях субъект политической власти, изменения же его конкретных форм, способов рекрутирования обуславливались многообразными причинами, среди которых упоминалось и появление «нового источника богатства». Социальное неравенство, исходя из этой теории,

обуславливалось неравномерным распределением власти, в котором наличие или отсутствие собственности также могло играть важную роль.

Кроме того, в марксистской концепции важнейшее место занимал «подчиненный класс», идея классовой борьбы предполагала своего рода «равноценное» положение противников в том смысле, что оба основных класса могли выступать самостоятельными субъектами действия. Наоборот, у теоретиков элитаризма правящему классу (элите) противостояла аморфная, неорганизованная масса (называемая в т. ч. и классом), неспособная в отличие от полноценного «класса для себя» Маркса стать субъектом действия. В силу этого концепции элиты можно с полным основанием назвать «теорией одного класса» (определение Р. Дарендорфа). Р. Михельс, характеризуя элитаризм, писал, что эта концепция «проповедует необходимость в условиях любого человеческого сообщества “классовой политики”, т. е. политики господствующего класса – класса меньшинства» [11, 42].

Концепция «правлящего класса» (элиты) не содержала конечной перспективы подъема угнетенной массы к власти, которая была характерной чертой анализа Маркса, связывавшего с этим подъемом ликвидацию социального неравенства. Элитаризм отрицал возможность осуществления в какой бы то ни было форме власти большинства, поскольку большинство не могло представлять само по себе сознательно действующую организованную силу, а реально руководящее им меньшинство во всех случаях превращалось в социально привилегированный класс. Тезис о постоянстве деления общества на правящий класс и массу означал постоянство общественного строя, меняющего лишь формы организации власти, методы ее осуществления, способы рекрутирования правящего класса. Очевидно, что левые радикалы не могли почерпнуть у Моски и Парето ничего обнадеживающего, в то время как учение Маркса фундаментально «подводило к мысли» о новом историческом этапе развития экономически и политически свободного человечества.

Сравнение марксизма и элитаризма, положения об общих чертах и различиях этих концепций были характерны уже для работ Р. Михельса. Наиболее известным из его положений является «железный» закон олигархических тенденций: любая крупная общественная организация неизбежно становится элитарной, и избранные вожди господствуют над теми, кто их

избирает. Описывая механизмы олигархизации, немецкий ученый подчеркивал, что различия в тенденциях развития «государственных олигархий (правительство, двор и т. д.) и олигархий пролетарских» весьма незначительны. Суть демократической системы определялась через права масс самим выбирать себе «господ», которым они после их избрания обязаны оказывать послушание.

Р. Михельс часто употреблял понятия «господствующий класс», «политический класс», «элита» как равнозначные, обозначающие высший, господствующий слой в обществе. Вслед за Москвой Михельс указывал, что наличие господствующего (или политического) класса связано прежде всего с разделением труда, с задачами организации общественной жизни. Однако, критикуя марксизм с элитаристских позиций, Михельс тем не менее считал, что между марксистской и элитаристской концепциями непримиримых противоречий не существует. «Не существует противоречия между учением, согласно которому история состоит из непрерывного ряда классовых битв, и тем учением, по которому классовая борьба приводит к созданию новой олигархии, переплетающейся со старой, – писал Михельс. – Марксистское понимание политического класса неуязвимо. Последний всегда является результатом соотношения сил, борющихся в обществе за свое самовыражение» [11, 44]. Как видим, исследователем, одновременно опровергая и защищая марксизм, уже попытался «дополнить» марксистский инструментарий с помощью теорий элит – точка зрения, позднее развитая рядом марксистских и симпатизировавших марксизму авторов.

Оценивая научное значение классических теорий элит, стоит подчеркнуть: во-первых, в отличие от марксистской концепции, фокусировавшей внимание на социально-экономических аспектах жизни общества, элитаризм сместил акценты в сторону преимущественного изучения механизмов формирования и осуществления власти, что дало более адекватную основу для анализа политических режимов. Исторический опыт советского режима показал, что даже в условиях уничтожения частной собственности и связываемого с ней классового деления общество не может существовать без привилегированной правящей группы, выполняющей руководящие функции, хотя бы она и утрачивала важные черты «господствующего» класса. Использование Парето понятия правящей элиты позволило

в дальнейшем ввести современную категорию политической элиты как группы (или групп), систематически участвующей в принятии политических решений. Во-вторых, концепции элит сложились более гибкие, нежели марксизм, рамки для изучения и сравнения обществ, имеющих базовые культурно-исторические различия, предоставив более удобную методологическую основу для анализа проблематики стран, выходящих за пределы западноевропейского культурного ареала. Особый интерес представляет в этом смысле концепция Моски, широко использовавшего историко-сравнительный подход.

Основные вехи переосмысления классических теорий элит и перспектив применения их на практике определялись двумя направлениями: 1) проблематика элит и проблематика классов; 2) политические элиты и политические режимы (и здесь главный вопрос – элиты и демократия). Ориентация большинства западных исследователей не на марксизм, а на теории элит была обусловлена, с одной стороны, неприятием марксистской революционной схемы и практического опыта социалистических стран. С другой стороны, фактически оправдывающие *status quo* концепции элит давали тем не менее возможность «реалистично» проанализировать западные системы, отметив неизбежное доминирование правящих групп в условиях либеральной демократии. Продолжающийся процесс демократизации, сглаживание социальных различий в ходе построения государства всеобщего благосостояния, рост влияния групп интересов, многомерности политики давали основу для оптимистичных оценок, нашедших выражение в плюралистических теориях элит и теории «демократического элитизма». В то же время эмпирические исследования качественного состава правящих групп подтверждали справедливость классических элитаристских тезисов о сохраняющейся непосредственной связи политических элит с привилегированными общественными слоями, спаянности социальными связями, что давало пищу для развития в том или ином виде концепции «властвующей элиты».

Первым важным этапом в осмыслении классического наследия элитаризма, попыткой соотнесения его положений с реалиями современных обществ стала исследовательская работа Г. Лассуэлла, начавшаяся еще в довоенный период и во многом способствовавшая утверждению понятия «элита» в качестве общепринятого в политической науке. Лассуэлл считал

элитой лиц, обладающих высшими по отношению к разным градациям позициями в данном обществе. При этом политическая элита трактовалась через понятие власти («элита власти») и включала, по Лассуэllu, как тех, кто непосредственно составляет политическое руководство, так и ту часть общества (социальный слой), «из которого рекрутируется и которому подотчетно руководство». Например, Уинстон Черчилль, по мнению ученого, принадлежал к политической элите даже во времена молодости, когда не занимался политической деятельностью, т. к. был рожден в одной из правящих семей. В обществе, по мнению Лассуэлла, существует множество элит по отношению к разным градациям, однако политическая элита составляет верхушку, «высший правящий класс» [26, 14–25].

Очевидно, что, используя введенное Парето понятие элиты, Лассуэлл и его коллеги уже попытались отойти от проблематики классов в осмыслении структуры общества и структуры власти. Однако «препарирование» понятия элиты носило в данном случае половинчатый характер: предлагая его в качестве основной категории, исследователи все равно подводили понятие политической элиты к понятию правящего класса, в результате чего пропагандируемая категория девальвировалась независимо от пожеланий теоретиков.

В то же время категориальная работа Лассуэлла и его коллег имела безусловное значение с точки зрения введения изначально чуждого «демократическому идеалу» понятия элиты в исследование западных обществ. Лассуэлл, осмысливая и соотнося теории элит, «демократический идеал» и реалии современного ему общества, утверждал, что элита власти существует, однако в демократических обществах она имеет тенденцию к рекрутированию на широкой основе, и, несмотря на преобладание пирамидальной модели власти (политическая элита – высшая, доминирующая группа), пирамида может «расплываться» при более широком распространении политического участия [26, 24]. Соглашаясь с «теорией правления меньшинства» как базовым фактом (независимо от того, существует ли это правление от имени меньшинства, одного лица или многих), Лассуэлл считал, что этот факт не решает вопрос об уровне демократии, т. е. общество может быть демократическим и при численно небольшом руководстве при условии его (руководства) подотчетности. В конечном итоге не без помощи проделанной Лассуэллом рабо-

ты стали «расплываться» и классический элитаризм, и так называемая «классическая теория демократии».

Г. Лассуэлл наряду с другими авторами занимался разработкой алгоритма исследования политических элит, выделяя параметры, позволяющие судить об их формировании и жизнедеятельности. Так, в качестве ключевого параметра идентификации политической элиты предлагалось участие в принятии политических решений: доля этого участия рассматривалась как своего рода «акция» в общем политическом капитале, и, таким образом, стало возможным более или менее точное определение круга лиц, относимых к элите власти. В качестве предмета специального анализа были выделены принятие и «непринятие» (недопущение постановки в повестку дня) решений, соотношение власти-авторитета и власти-контроля, проблема социальной представительности руководства, гибкость его адаптации к изменениям структуры общества и другие вопросы. Отмеченные наработки имеют достаточно самостоятельное значение по отношению к общей концепции Лассуэлла, могут использоваться для эмпирического анализа элит учеными разных направлений. Стоит отметить, что именно за приоритет такого анализа и против «произвольных и безапелляционных» обобщений выступал сам Лассуэлл.

При рассмотрении современных теорий элит необходимо упомянуть Й. Шумпетера, который ранее многих других авторов, уже в 1940-е гг., «совместил» элитаризм с приверженностью демократии, обосновав идею о том, что элиты, господствующие «демократическим путем», т. е. через выборы и конкуренцию, должны рассматриваться в качестве неотъемлемого элемента современных развитых обществ. (Как пишут некоторые исследователи, Шумпетер ревизовал «классические» представления о роли элит и не-элит «одним росчерком пера» [18, 9].) Хрестоматийно известный тезис Й. Шумпетера гласил, что демократия есть не осуществление «воли народа», а процедура, метод принятия решений, при котором индивиды получают право принимать решения путем конкурентной борьбы за голоса избирателей. При этом понимание Шумпетером сущности политического руководства оказалось достаточно близким классическим теориям элит. Так, политические лидеры, по мнению теоретика, должны избираться из уже существующего особого социального слоя, «для которого занятия политикой естественны и ко-

торый сам по себе является продуктом жесткого процесса отбора» (наилучшим примером наличия такого слоя выступала Великобритания) [17, 379]. Ученый также утверждал, что лидерство является доминирующим механизмом коллективного действия и играет самодовлеющую роль в выработке коллективной воли («воли народа»), что избиратели не только не принимают политических решений сами, но их инициатива в выборе лидеров также весьма ограничена, а элементы несправедливой, «мошеннической» политической конкуренции неизбежны. «Существование партий и профессиональных политиков, – писал Шумпетер, – свидетельствует о том, что массы избирателей не способны на какие-либо другие действия, кроме паники. Они регулируют политическую конкуренцию точно так же, как это делают профессиональные ассоциации. Психотехника управления партией, ее рекламная кампания, лозунги и марши – это все не украшения. Это и есть суть политики. Так же как и политический лидер» [17, 356, 371].

«Процедурное» понимание демократии, придание «методу принятия решений», характерному для либеральных режимов, основного значения привели много позднее к ослаблению общего внимания исследователей к элитам как реальным субъектам принятия решений. Если элиты «не мешают демократии» и не определяют ее сущности и своеобразия, то изучение демократии в институциональном и электоральном аспектах должно было в конце концов закономерно представляться более актуальным. Можно констатировать, что Шумпетер, совершив «революционный» пересмотр отношения к демократии, объявив доминирование лидеров ее неотъемлемой частью, тем самым в перспективе отвел внимание от вопроса об элите, способствуя полному принятию тождества демократии и элитарного общества.

Иные последствия имела научная деятельность Р. Миллса. Его широко известная концепция «властвующей элиты» отразила симпатии к К. Марксу, объединенные с признанием ценности теоретических положений М. Вебера. Сам же Р. Миллс указывал, что опирался на идеи «Моски, Шумпетера, Веблена, Маркса, Михельса, Вебера и Парето» [9, 108].

Результат теоретической работы Миллса по конструированию «властвующей элиты» на первый взгляд более всего напоминает препарированный «господствующий класс» Маркса. Общий тон работ Миллса, характер сделанных

выводов оказались столь близки марксистской схеме, а стиль, язык – столь близки научным и публицистическим работам советских авторов, разоблачавших «мир капитала», что книга «Властвующая элита», вышедшая в 1950-е гг., была сразу же переведена на русский язык, издана в СССР в 1959 г. и снабжена весьма благожелательными комментариями.

Приведем лишь некоторые характерные выводы Р. Миллса. По его мнению, в послевоенный период развития США «официальные государственные лидеры, богачи из мира корпораций и военная знать объединились между собой в форме властвующей элиты». Властвующая элита состоит как из людей, занимающих ключевые должности в экономической, политической и военной сферах, так и из того социально привилегированного слоя, который хотя и не принимает непосредственно участия в решениях, однако имеет «вес», т. е. его интересы и соображения обязательно «учитываются» в принятии решений. Реальная социальная база рекрутирования элиты, подробно и красочно описанная Миллсом, ограничена определенным кругом наиболее богатых, известных, имеющих упомянутый «вес» семейств. Личные и служебные связи, социальная и психологическая близость выделяются как важнейшие характеристики властвующей элиты [10].

Р. Миллс считал, что его концепция имеет принципиальную новизну по сравнению со всеми предшествующими трактовками политики. Марксистское видение руководящей роли экономических лидеров в системе политики являлось, по его мнению, таким же упрощением, как либеральное представление о господствующей роли политических лидеров. И либеральная, и марксистская методологии годились «для прошлого века», и именно для того, чтобы избежать этих упрощенных трактовок, Миллс предлагал употреблять вместо термина «правлящий класс» понятие «властвующая элита» [10, 381].

Итак, неадекватные критикуемые схемы предполагалось обновить путем использования методологических инструментов элитаризма, полемизирующего как с марксизмом, так и с либерализмом. В качестве недостатка марксистской методологии выступало то, что ортодоксальный «господствующий класс» Маркса не способен описать механизмы власти. Тем не менее в работе Миллса (и других сходных по духу работах, например, Ф. Хантера, М. Паренти, У. Домхоффа, Р. Милибанда) близость конку-

рирующих марксистской и элитаристской парадигм проявилась в наибольшей степени [13; 20; 24; 27]. В поисках инструментов для анализа механизмов власти Р. Миллс обратился к модели теорий элит, легко ставшей на место марксистской, лишь незначительно сместив акценты в той острокритической трактовке структуры американского общества и системы власти, которая традиционно давалась марксистскими обществоведами.

Важную роль сыграла разработка Миллсом подхода к идентификации элиты, который называют как «институциональным», так и «структурно-функциональным». Р. Миллс определил ключевую проблему власти – участие в принятии решений, указав, что власть принимать решения сосредоточена в основных институтах – госаппарате, корпорациях, армии. Соответственно в этих институтах (иначе говоря, структурах) и следовало искать властвующую элиту (между прочим, конгрессмены, по мнению Миллса, представляли элиту среднего уровня, занятую преимущественно решением местных вопросов). В то же время, идентифицируя властвующую элиту, исследователь призвал учитывать не только лиц, непосредственно принимающих решения (ядро элиты), но и всех тех, чье мнение обязательно учитывается и кто является источником рекрутирования лидеров. В значительной степени поэтому особое внимание было обращено на социальное происхождение и социальные связи тех, кто принимает решения («лучшие семьи»), – именно данному вопросу Миллс посвятил внушительную и наиболее интересную часть своего труда. Однако масштабное расширение властвующей элиты за счет тех, кто не принимает решений, но имеет «вес», объективно сближало концепцию Миллса с традиционной идеей правящего (господствующего) класса, от которой он с помощью своего относительно нового понятия стремился уйти.

Концепция «властвующей элиты» сразу же стала объектом критики, причем внимание критиковавших ее авторов обратилось прежде всего к методологическим аспектам, к углубленной разработке понятийного аппарата и схемы исследования элит, к эмпирическому анализу политического процесса. Дело в том, что в работе Р. Миллса ряд тезисов, относящихся к описанию политического процесса, оставляет впечатление бездоказательности. В этом аспекте автор, скорее, рисует широкими мазками деятельность властвующей элиты, нежели следует четкому

алгоритму ее исследования. Р. Даль отчасти справедливо указывал, что Миллс создал «квазимодель», основанную на «регрессивном объяснении»: если явные лидеры не соответствуют модели «властвующей элиты», то всегда можно сказать, что существуют некие тайные лица, а за ними другие и т. п., в результате чего ношу доказательств вынуждены были нести не защитники, а критики теории [19, 61].

Отмеченные «слабости» оказались характерными отнюдь не только для работы Миллса. Еще в большей степени уязвима в этом отношении, например, близкая по характеру работа М. Паренти, где интересное, обстоятельное и бескомпромиссное разоблачение «правлящего класса» («правлящей элиты», «высшего класса» и т. п. – употребляется равнозначно) содержит лишь маленький отрывок, посвященный непосредственно тому, что представляет собой этот феномен, причем даваемые определения в контексте книги не имеют принципиального значения. Основная мысль автора заключается в том, что Америкой правят «богачи», «финансовая аристократия», «самозванная предпринимательская элита, которая ни перед кем не держит ответа», что необходимы осознание классовых интересов и классовая борьба [13, 238, 420]. Очевидно, что марксизм в данном случае явно «перевешивает» элитаризм, и понятие элиты утрачивает самостоятельное методологическое значение.

Р. Даль, критикуя концепцию «властвующей элиты», определил политическую элиту как контролирующую группу, меньшинство, чьи предпочтения обычно доминируют в ключевых политических вопросах, и предложил «тест на идентификацию» единой элиты (или ее отсутствие), в рамках которого предполагалось ответить на вопросы о соотношении потенциальной и действительной власти (контроля), о масштабе влияния тех или иных контролирующих групп, рамках их компетенции, потенциале единства, их интересах и т. д. Даль утверждал, что никакая гипотеза о системе власти не может быть подтверждена без анализа серии конкретных решений, выявления соответствия или несоответствия этих решений интересам определенных групп [19, 61–67].

Идею элиты как политической контролирующей группы (групп) развивали также Дж. Сартори и другие исследователи. «Когда политический аналитик обращается к исследованию вертикальной демократии, – писал Сартори, – его интересует не всякое возможное ре-

альное меньшинство, а лишь такое, из которого складывается та или иная *контролирующая группа* <...> Объект нашего исследования – это мера и характер (modality) политической *контролирующей власти*, коей обладают группы численностью менее половины того социума (universe), в отношении которого такая власть осуществляется» [16, 80]. Впрочем, действительный интерес Сартори заключался не в анализе механизмов власти, а в переосмыслении концепции контролирующих групп с ценностных позиций, в обосновании настоятельной, с его точки зрения, необходимости возврата к идеям подлинной «элитности», подбора политических лидеров на основе заранее выделенных «элитных» качеств и пр. Соответствие качеств реальных политических элит неким образцовым должно было стать ценностным обоснованием «вертикальной демократии».

Ряд положений по углублению методологии анализа политических элит предложил П. Бахрах. В частности, он отстаивал тезис о необходимости учета не только власти – контроля, но и не в меньшей степени – «более долгосрочной и эффективной» власти – авторитета при оценке положения элит. Бахрах подчеркивал, что авторитет, а не контроль является основным источником «элитарного статуса» в индустриальных обществах, элиты ограничены барьером своего авторитета в обществе. Фактически речь идет об утверждении легитимности «контролирующих групп», их доминировании на базе и в рамках общественных требований. Бахрах акцентировал также особое внимание на проблеме «непринятия решений» (предотвращения постановки вопросов в повестку дня). Даваемое им в итоге определение политической элиты включает тех, кто «регулярно обладает существенным объемом авторитета и власти в принятии и непринятии решений, которые влияют на большое количество людей» [18, 2–8].

Р. Даль на основе своей методологии пришел к выводу о плюралистической структуре власти в американском городе, распространив ее на модель западного общества в целом. Сформулированная им в 1950–1960-е гг. теория полиархии, призванная отразить реалии западных обществ, содержала четкие положения, что полиархия как тип политической системы есть правление *меньшинств* (в отличие от диктатуры – правления *меньшинства*), и основной политический вопрос в каждый данный момент заключается в том, в какой степени различные мень-

шинства уравновесят амбиции друг друга при пассивном согласии или безучастном отношении большинства. Существование меньшинств, их защищенность и разнообразие трактовались Далем как основной фактор, обеспечивающий жизнеспособность полиархий. О «правлении большинства» можно говорить лишь как о «мифе» или же в том смысле, что конкретная политика в полиархиях лежит в пределах консенсуса, определяемого основными ценностями политически активной части общества (голосующих) [5, 139–140]. Трактовка Даля была близка концепции другого известного автора – Д. Рисмена, который еще в работе 1950-х гг. описывал американскую систему политики как процесс взаимодействия множества заинтересованных групп (так называемых «вето-групп»), которые в случае угрозы своим интересам способны блокировать действие других групп и ни одна из которых не имеет решающих преимуществ [29]. Идея плюрализма элит получила позднее развитие в работах С. Келлер, выделяющей стратегические элиты, оказывающие решающее воздействие на политический процесс [25]. С. Келлер пыталась доказать, что стратегические элиты находятся как бы вне правящего класса, однако эта позиция вызывала существенную критику, в т. ч. отечественных исследователей [3, 319–320].

Более поздние работы Даля о полиархии свелись к традиционным для либеральной мысли положениям о значении политического представительства, выборов, прав человека, многопартийности и т. д., приобретая в ряде аспектов апологетический характер. Тезис о правлении меньшинств в первоначальной формулировке уже не просматривается, сменившись положением о «выдающейся роли, власти и легитимности» автономных организаций в политической жизни общества и решении общественных дел. В книге «О демократии», изданной в 1998 г., проблема элит затрагивается мельком, как несущественная, основная мысль автора заключается в том, что власть элит ограничена демократическими институтами, элиты «чутко прислушиваются» к общественному мнению, становятся каналом передачи «желаний, намерений и представлений» граждан правительству и т. д. [6, 111–112]. Эволюция концепции Даля явно отразила эйфорию от «триумфального шествия демократии» в конце XX в. Кроме того, она вполне соотносится с возродившимся в современной политической науке интересом к институтам и реанимацией ценностного подхода.

Среди авторов, пытавшихся разработать собственный категориальный аппарат для анализа элит, следует назвать Р. Арона. Он предложил целую серию понятий, долженствовавших обозначать различные феномены: элита, политический класс, правящий класс, политическая элита. «Я использую термин “элита”, – писал Арон, – в наиболее широком смысле: это те, кто находится на высших ступенях иерархии в разных областях деятельности, кто занимает наиболее привилегированные позиции по уровню богатства или престижа. Термином “политический класс” лучше обозначать намного более узкое меньшинство, которое реально выполняет политические функции управления. Термин “правящий класс” в этом случае будет помещен между “элитой” и “политическим классом”: он включает в себя те привилегированные группы, которые без осуществления политических функций оказывают влияние и на тех, кто управляет, и на тех, кто подчиняется, либо в силу своего морального авторитета, либо в силу обладания экономической или финансовой властью» [15, 175]. Кроме того, исследователь употреблял понятие «политическая элита» по отношению к лицам, облеченным властью принимать ключевые решения (применительно к политическим системам западных обществ речь велась о выборах политиках), и другие определения.

Р. Арон попытался дать универсальные дефиниции, используя одновременно понятия «класс» и «элита». Однако такая многослойная градация может быть принята неоднозначно. Так, процесс отделения «политической элиты» от «политического класса», а «элиты в широком смысле» от «правящего класса» способен создать чрезмерные сложности в практическом анализе элит и свестись к подгонке фактов под имеющуюся схему.

В других работах Р. Арон предлагал более простой вариант, признавая бесспорным утверждение Парето о наличии во всех известных обществах вплоть до современных привилегированного меньшинства, или элиты в широком смысле, в которой можно выделить правящую элиту в узком смысле [1, 477]. При этом распределение ролей в демократических обществах виделось ученому следующим образом: «...все, кто в рамках демократии причастен к политике, представляют часть социальной элиты (вершины общественной иерархии)», однако носители политической власти на Западе – это «отдельная группа, автономная среди прочих правящих

групп», т. к. система выборов выделяет политическую элиту среди прочих «элитарных кругов» [2, 59]. Таким образом, Р. Ароном выстраивалась схема множественности и автономности элитных групп с одновременным признанием связи политической и социальной элит.

Важную роль играет четкое различие Ароном административных и политических функций, особенно в свете современных исследований «административно-политических элит», их фактического объединения в рамках «политического класса». Акцентируя внимание на принципиальном несовпадении понятий «править» и «управлять», ученый подчеркивал: политическая элита «определяет принципы законодательства в рамках режима и ставит задачи перед самим режимом» [2, 57]. В демократической системе эта роль, по его мнению, принадлежит выборным политикам. Политик имеет полномочия для принятия политических решений, хотя может быть менее компетентен, нежели чиновник, и не обязательно лучше знает, что необходимо обществу. Чем выше положение чиновника в иерархии, тем ближе его статус к политическому деятелю, однако принципиальная разница между ними сохраняется, и неслучайно лишь небольшая, как правило, часть бюрократии меняется при смене режимов. Тезис о выделении политической элиты как особой группы ставит под сомнение правомерность использования понятия политико-административного «политического класса» как ведущего параметра анализа режимов.

В целом большей частью западных исследователей выстраивались модели, альтернативные модели «властвующей элиты» Р. Миллса. Система положений, обосновывающих неизбежность преобладания элит в политике, но утверждающих, что это преобладание приобрело новое качество – открытость, сменяемость, конкуренцию элит, новое элитарное самосознание (ответственность за судьбы демократии) и пр., – получила название теории «демократического элитизма». Данные положения, разделяемые полностью или частично, составили базу широкого консенсуса авторитетных ученых, подвели итог работе по переосмыслению и «сближению» теорий элит и теорий демократии, конвертированию понятия элиты в анализ западных режимов. «Истинным творцом политики является элита. Тем не менее общество остается демократическим, – одним из первых провозгласил новое понимание демократии К. Мангейм, – потому

что для демократии достаточно, что индивидуальные граждане, хотя и не принимают постоянно непосредственного участия в управлении страной, имеют по крайней мере возможность выражать свои чаяния через определенные промежутки времени» [7, 26].

Многолетние исследования (в особенности «плюралистического» направления) позволили выработать и обобщить методы анализа системы политики с помощью понятия политической элиты как ее реального субъекта. Эти исследования шли в русле и способствовали общей научной переориентации от традиционно-институционального метода к изучению неформальных аспектов – роли и значения индивидов и групп в политическом процессе (наиболее известные дебаты по проблемам элит пришлось как раз на годы «триумфального шествия» поведенческой революции). Основные усилия оказались направлены на осмысление того, угрожает или нет реальное доминирование политических элит «демократическому процессу», и многие авторы сделали вывод об отсутствии такой угрозы. В противовес классическому элитаризму и марксизму западные ученые опирались главным образом на веберовскую стратификационную концепцию. Соответственно делались выводы о различии уровней анализа классовой структуры и системы элит, о политической элите как одной из элитных групп, об отсутствии кумулятивного неравенства и пр. Понятие «правлящий класс» было признано большинством исследователей непригодным для анализа современных западных обществ. По способу постановки и решения вопросов многие исследования элит далеко ушли от своей «классической» основы и в значительной мере влились в общий поток работ «о демократии».

Критики «плюралистов», продолжавшие испытывать влияние модели «правлящего класса», предлагали те или иные элитистские вариации. При этом вопросам о социальной базе рекрутирования и социокультурных характеристиках элиты, о том, в чьих интересах принимаются основные решения, придавалось в их работах приоритетное значение. Например, выводы американских ученых – неоэлитистов Т. Дая и Л. Х. Зиглера – оказались достаточно близки модели Р. Миллса: американская элита трактовалась ими как социально закрытая, несменяемая; интересы элитных групп, по мнению исследователей, в основном совпадали; элита воздействовала на массы в гораздо большей степени, нежели массы могли повлиять на

жизнедеятельность элиты. Характерно, что книга этих авторов «Ирония демократии» была, как ранее и книга Р. Миллса, достаточно оперативно переведена на русский язык и издана в СССР в 1984 г. со столь же благожелательными комментариями [4]. Картина американской политики, осуществляемой в рамках демократических процедур, но привилегированными группами и в значительной мере в их интересах, как нельзя лучше продемонстрировала оправданность переводного названия работы «Демократия для элиты». Последующие издания упомянутых авторов принципиальных изменений в их позицию не внесли, однако следует отметить, что в отличие от Миллса Дэй и Зиглер считали элитарность общества и власти оправданной при условии высокой квалификации элиты, ее готовности к управлению общественными процессами.

Очевидна закономерность: сосредоточение на изучении властных функций, на доступных наблюдению проявлениях политического процесса, как правило, способствовало выводам о «демократическом господстве элит», плюралистическом характере политики, в то время как более внимательный анализ политической элиты как социальной группы, ее интересов, в т. ч. скрытых от публики, ее места в структуре общества, взаимоотношений «элита–масса» становился основой для тезисов о достаточно единой и несменяемой, социально и политически доминирующей группе. Разные трактовки имели под собой существенное различие методологических предпосылок: так, использование репутационного и позиционного (по позициям во власти) методов анализа приводило к элитистской картине политики, а исследование процесса принятия решений – к плюралистической. Роль политической элиты приписывалась и «контролирующим группам» (достаточно компактным, состоящим из лиц, определяющих принятие основных решений в разных областях), и целому социальному слою («высшему классу», члены которого могут вовсе не участвовать в принятии политических решений, но их мнение «учитывается»). Выводы делались как на основе эмпирических исследований, так и «дедуктивным» путем (например: поскольку распределение материальных и духовных ресурсов крайне неравномерно, решения о таком распределении принимаются элитой и в ее интересах) и т. д. Ученые никак не могли прийти к согласию относительно понятия элиты и принципов ее жизнедеятельности на практике.

Ряд авторов указал на смешение политической элиты с элитой как таковой как на один из главных недостатков теорий политических элит. Например, У. Гаттсман начинает с констатации этого недостатка, который он связывает с неразработанностью проблемы соотношения политической элиты и социальной стратификации в исследованиях большинства западных политологов [23, 77–78]. Между тем стоит отметить, что в классических теориях элит «главный недостаток» отсутствовал, ибо, если абстрагироваться от употреблявшегося классиками легиона терминов и различия интерпретаций, речь на деле шла о «правлящем классе», занимающем высшие позиции в социальной иерархии и являющемся источником рекрутирования и опорой политических лидеров. Основная причина смешения понятий и путаницы в проблематике элит состоит в несоответствии классических концепций элит тому смыслу, который им стали придавать последователи, стремившиеся «обойти» с помощью понятия элиты модель «правлящего класса», построить систему элит вне системы классов, но не всегда преуспевавшие в поиске соответствующих инструментов. «Главный недостаток» теорий элит имеет отношение к некоторым современным концепциям, в которых плюралистическая картина системы политики плохо совмещается с «неудобными» данными о социальной стратификации и рекрутировании элит, в результате чего эти данные отправляются на задний план или им не придается решающего значения.

Попытка «внести ясность» была предпринята, в частности, С. Нейделом, который предложил «не смешивать понятия» социальной элиты и политической элиты («правлящей группы»). Социальная элита, по его мнению, – не просто описательное (как считал Лассуэлл), но существенное определение, включающее такие характеристики, как корпоративность, исключительность, легитимность в глазах общества и – самое главное – учреждение и распространение ценностей в обществе. Элита – это группа, устанавливающая стандарты поведения, становящиеся примером для подражания для остальной части общества. Именно не прямое влияние на общество через подражание элитным стандартам и является, по Нейделу, особой характеристикой социальной элиты.

В то же время «правлящая группа», аккумулирующая наибольшую власть, представляет собой «нечто особое», может быть враждебна

стандартам других элитных групп, не соответствовать нормам, по которым люди обычно определяют «элитность», превосходство и т. д. Определение «элиты» в данном случае, по мнению Нейдела, неадекватно – правящая группа лишь «между прочим» является «элитой», это определение не выражает ее сути. (В качестве примера Нейдел приводит установление британского владычества в Индии, когда существовали «своя» элита и правящая группа (англичане) как некая «суперэлита» [28, 35–36, 39–40].) Полемизируя с Г. Лассуэллом, Нейдел отмечал, что политическая элита, определяемая через понятие «наибольшей власти» как доминирующая группа, не может считаться «одной из» элитных групп и не укладывается в плюралистические трактовки элит.

Положения С. Нейдела дают основания для вывода о концептуальном разграничении социальной и политической элит. Будучи взятым в качестве отправной точки анализа, такое разграничение позволяет дистанцироваться не только от варианта «правлящего класса», но и от других заданных схем, поставив задачу определения той или иной модели эмпирическим путем. Для сравнения отметим, что, например, Р. Миллс, по собственному признанию, с самого начала своего исследования, опираясь на идеи Моски, имел в виду модель «правлящего класса», в котором можно выделить «первый эшелон» и «второй эшелон», с которым первый поддерживает общие идеи и общую политику. Соответственно исследовательский проект изначально строился на выделении «высших слоев» общества, при идентификации которых были использованы четыре переменные – класс, статус, власть и занятие (оплачиваемая работа) [9, 109]. Фактически модель была задана, оставалось лишь изменить акценты и переименовать «правлящий класс» во «властвующую элиту».

В современной науке накоплено огромное количество предложений по соотношению понятий «правлящего класса», «политической элиты», «высших слоев» и т. п. Один из крупнейших современных социологов Э. Гидденс, констатируя существование «легиона» терминов для обозначения феномена «высшего класса», отметив сложности в соотношении категорий класса и элиты, предложил допустить существование различных моделей для различных обществ и использовать одновременно несколько понятий, предложенных дискутировавшими автора-

ми. Его методологический подход ориентируется, по существу, на «мирное сосуществование» конкурирующих парадигм как вариантов решения одной проблемы.

Так, исследователь предложил признать, что может существовать «управляющий класс», не обязательно являющийся «господствующим (правлящим) классом», что может быть система «руководящих групп», которые не образуют ни «управляющего класса», ни «правлящего класса», ни «властвующей элиты». И марксистская, и элитистская схемы, по мнению Э. Гидденса, остаются возможными в конкретном поиске [22, 6–12]. Развивая эту мысль, ученый сосредоточил внимание на построении различных аналитических моделей элит, разработав интегральные типы, позволяющие в общей сложности (по сочетанию параметров) выделить 12 вариантов.

Схема исследования, предложенная Гидденсом, включает необходимость анализа системы рекрутирования политической элиты (решающим аспектом которой является социальная база отбора лидеров), ее структуры (степени и характера внутриэлитной интеграции), специфики распределения и осуществления власти в обществе. Интегральные типы – «правлящий класс», «управляющий класс», «властвующая элита» и «руководящие группы» – строятся на основе сочетаний указанных факторов. Ученый также акцентирует внимание на различиях потенциальной и действительной власти, круге вопросов, которые может решать та или иная элитная группа, учете «непринятия решений», различиях формальных позиций власти и скрытого влияния и т. д. [22, 7–30]. Очевидно, что классификация, включающая несколько типов и многочисленные «подтипы», предоставляет гораздо более широкие возможности для анализа и интерпретации фактов жизнедеятельности различных обществ, нежели предложения других исследователей, позволяет преодолеть жесткие рамки той или иной теории, в значительной степени учесть историческое разнообразие политических систем. Направление работы с методологией, заданное Гидденсом, можно интерпретировать в рамках феномена постструктуралистского мышления.

Теории элит прошли долгий путь, на протяжении которого они многократно пересматривались. Доминирующей можно назвать тенденцию к разграничению с классическими теориями, к «освобождению» элит от классового содержания (от которого были отнюдь не свободны концепции Моски и Парето), к пол-

ному конвертированию понятия элиты в анализ западных плюралистических обществ. Однако как только в современных теориях элит акцент от изучения властных функций смещался к вопросу о связи политической элиты с социально-классовой структурой общества, с глобальными различиями социальных интересов, понятие «правлящего класса» вновь появлялось «за спиной» плюралистических элит и оказывалось не лишеным актуальности. Попытки учесть этот фактор ставили перед западными теоретиками сложную проблему, порождая острые дискуссии. Характерное «топтанье на месте» преимущественно на основе плюралистических концепций элит можно во многом объяснить достигнутым соответствием ценностных приоритетов и определенных научных результатов. При этом, как отмечает Г. Ашин, в последние десятилетия XX в. почти не осталось «чистых плюралистов», которые бы напрочь отрицали наличие политических элит в западных системах [3, 320].

Стремление отмежеваться от классических теорий элит привело к утрате методологической цельности, породило сонм дефиниций и концепций. Вместе с тем желание проверить адекватность классических схем, найти новое теоретическое решение проблемы демократии, которое соотносилось бы с реалиями современных обществ, привело к детальным методологическим разработкам анализа политики, поиску новых инструментов, функциональных определений, методик эмпирического анализа и пр. Именно в силу утраты цельности развитие методологии анализа политики на основе концепций элит объективно создало более широкие исследовательские рамки, нежели марксизм, предоставляющий заданную схему политики, довлеющую над исследователем. Другое дело, что ценностная приверженность принципам либеральной демократии оказывает отнюдь не мень-

шее влияние на характер проводимого анализа, его методологические ориентиры и результаты (яркий пример – научная деятельность Р. Даля).

Несмотря на острые дискуссии, явные методологические недостатки и нерешенные проблемы, теории элит являются сегодня одной из ведущих парадигм, в рамках которых рассматривается политический процесс: сложившееся в XX в. научное направление сохраняет актуальность. Элитаризм дает достаточно адекватную основу для выхода за рамки институционального анализа в изучении механизмов формирования и реализации власти, составляющих сущность политических режимов. Понятие политической элиты как относительно самостоятельной, активно воздействующей на общество группы (или групп) вводит приемлемое исходное положение для выявления закономерностей поля политики и поля власти, характера взаимоотношений политики с другими сферами жизни общества, специфики исторического процесса в целом.

Существующее разнообразие концепций элит является не только следствием различных методологических установок, но может в значительной степени отражать различия моделей осуществления власти. Это обуславливает необходимость приоритетного внимания к конкретным исследованиям как в отношении современных обществ, так и с ретроспективных позиций. Задача дальнейшей разработки теоретико-методологических проблем, уточнения и расширения представлений о политических элитах может быть решена лишь на основе результатов таких исследований. Разработанные в рамках элитаристского направления аналитические инструменты в принципиальном плане многовариантны, и их использование представителями разных социогуманитарных дисциплин будет способствовать росту количества и качества работ междисциплинарного характера.

Библиография:

1. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М.: Издательская группа «Прогресс», 1993. 608 с.
2. Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М.: Текст, 1993. 303 с.
3. Ашин Г. К., Лозанский Э. Д., Кравченко С. А. Социология политики. М.: Экзамен, 2001. 608 с.
4. Дай Т., Зиглер Л. Х. Демократия для элиты. Введение в американскую политику. М.: Юридическая литература, 1984. 320 с.
5. Даль Р. Введение в теорию демократии. М.: Наука, 1992. 156 с.
6. Даль Р. О демократии. М.: Аспект Пресс, 2000. 208 с.
7. Манхейм К. Проблема интеллигенции. Демократизация культуры. М.: ИНИОН РАН, 1993. Ч. 1. 89 с.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. Т. 4. 615 с.
9. Миллс Р. Интеллектуальное мастерство // Социологические исследования. 1994. № 1. С. 107–114.
10. Миллс Р. Властвующая элита. М.: Иностранная литература, 1959. 543 с.
11. Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии // Диалог. 1991. № 3. С. 41–45.

12. Моска Г. Правящий класс // Социологические исследования. 1994. № 10. С. 187–198; № 12. С. 97–117.
13. Паренти М. Демократия для немногих. М.: Прогресс, 1990. 504 с.
14. Парето В. Компедиум по общей социологии. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2008. 511 с.
15. Радаев В. В., Шкаратан О. И. Социальная стратификация. М.: Аспект Пресс, 1996. 318 с.
16. Сартори Дж. Вертикальная демократия // Политические исследования. 1993. № 2. С. 80–90.
17. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995. 540 с.
18. Bachrach P. Introduction // Political Elites in a Democracy / Ed. by P. Bachrach. N. Y.: Atherton Press, 1971. P. 1–12.
19. Dahl R. A Critique of the Ruling Elite Model // Scott J. (ed.) The Sociology of Elites. L.: Edward Elgar Publishing, 1990. Vol. 1. The Study of Elites. P. 61–67.
20. Domhoff G. W. The Higher Circles: The Governing Class in America. N. Y.: Random House, 1970. 367 p.
21. Dye T., Zeigler H. The Irony of Democracy: An Uncommon Introduction to American Politics. Belmont, CA: Wadsworth publ. co, 1993. 461 p.
22. Giddens A. Elites in the British Class Structure // Scott J. (ed.) The Sociology of Elites. L.: Edward Elgar Publishing, 1990. Vol. 1. The Study of Elites. P. 3–30.
23. Guttsman W. L. Social Stratification and Political Elite // Scott J. (ed.) The Sociology of Elites. L.: Edward Elgar Publishing, 1990. Vol. 1. The Study of Elites. P. 77–90.
24. Hunter F. Top Leadership, USA. Chapel Hill, University of North Carolina Press, 1959. 268 p.
25. Keller S. Beyond the Ruling Class. Strategic Elites in Modern Society. N. Y.: Transaction Publishers, 1991. 354 p.
26. Lasswell H. D., Lerner D., Rothwell C. E. The Elite Concept // Political Elites in a Democracy / Ed. by P. Bachrach. N. Y.: Atherton Press, 1971. P. 13–26.
27. Miliband R. The State in Capitalist Society. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1969. 292 p.
28. Nadel S. F. The Concept of Social Elites // Scott J. (ed.) The Sociology of Elites. L.: Edward Elgar Publishing, 1990. Vol. 1. The Study of Elites. P. 31–42.
29. Riesman D. The Lonely Crowd. New Haven – London: Yale University Press, 1971. 315 p.

References (transliterated):

1. Aron R. Etapy razvitiya sotsiologicheskoi mysli. M.: Izdatel'skaya gruppa «Progress», 1993. 608 s.
2. Aron R. Demokratiya i totalitarizm. M.: Tekst, 1993. 303 s.
3. Ashin G. K., Lozanskii E. D., Kravchenko S. A. Sotsiologiya politiki. M.: Ekzamen, 2001. 608 s.
4. Dai T., Zigler L. Kh. Demokratiya dlya elity. Vvedenie v amerikanskuyu politiku. M.: Yuridicheskaya literatura, 1984. 320 s.
5. Dal' R. Vvedenie v teoriyu demokratii. M.: Nauka, 1992. 156 s.
6. Dal' R. O demokratii. M.: Aspekt Press, 2000. 208 s.
7. Mankheim K. Problema intelligentsii. Demokratizatsiya kul'tury. M.: INION RAN, 1993. Ch. 1. 89 s.
8. Marks K., Engel's F. Manifest Kommunisticheskoi partii // Marks K., Engel's F. Soch. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1955. T. 4. 615 s.
9. Mills R. Intellektual'noe masterstvo // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1994. № 1. S. 107–114.
10. Mills R. Vlastvuyushchaya elita. M.: Inostrannaya literatura, 1959. 543 s.
11. Mikhel's R. Sotsiologiya politicheskoi partii v usloviyakh demokratii // Dialog. 1991. № 3. S. 41–45.
12. Moska G. Pravyashchii klass // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1994. № 10. S. 187–198; № 12. S. 97–117.
13. Parenti M. Demokratiya dlya nemnogikh. M.: Progress, 1990. 504 s.
14. Pareto V. Kompedium po obshchei sotsiologii. M.: Izdatel'skii dom GU VShE, 2008. 511 s.
15. Radaev V. V., Shkaratan O. I. Sotsial'naya stratifikatsiya. M.: Aspekt Press, 1996. 318 s.
16. Sartori Dzh. Vertikal'naya demokratiya // Politicheskie issledovaniya. 1993. № 2. S. 80–90.
17. Shumpeter I. Kapitalizm, sotsializm i demokratiya. M.: Ekonomika, 1995. 540 s.
18. Bachrach P. Introduction // Political Elites in a Democracy / Ed. by P. Bachrach. N. Y.: Atherton Press, 1971. P. 1–12.
19. Dahl R. A Critique of the Ruling Elite Model // Scott J. (ed.) The Sociology of Elites. L.: Edward Elgar Publishing, 1990. Vol. 1. The Study of Elites. P. 61–67.
20. Domhoff G. W. The Higher Circles: The Governing Class in America. N. Y.: Random House, 1970. 367 p.
21. Dye T., Zeigler H. The Irony of Democracy: An Uncommon Introduction to American Politics. Belmont, CA: Wadsworth publ. co, 1993. 461 p.
22. Giddens A. Elites in the British Class Structure // Scott J. (ed.) The Sociology of Elites. L.: Edward Elgar Publishing, 1990. Vol. 1. The Study of Elites. P. 3–30.
23. Guttsman W. L. Social Stratification and Political Elite // Scott J. (ed.) The Sociology of Elites. L.: Edward Elgar Publishing, 1990. Vol. 1. The Study of Elites. P. 77–90.
24. Hunter F. Top Leadership, USA. Chapel Hill, University of North Carolina Press, 1959. 268 p.
25. Keller S. Beyond the Ruling Class. Strategic Elites in Modern Society. N. Y.: Transaction Publishers, 1991. 354 p.
26. Lasswell H. D., Lerner D., Rothwell C. E. The Elite Concept // Political Elites in a Democracy / Ed. by P. Bachrach. N. Y.: Atherton Press, 1971. P. 13–26.
27. Miliband R. The State in Capitalist Society. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1969. 292 p.
28. Nadel S. F. The Concept of Social Elites // Scott J. (ed.) The Sociology of Elites. L.: Edward Elgar Publishing, 1990. Vol. 1. The Study of Elites. P. 31–42.
29. Riesman D. The Lonely Crowd. New Haven – London: Yale University Press, 1971. 315 p.